

Цзян Синчжи коротко кивнул в ответ и попросил Чжу Яня найти удобное место, чтобы присесть и поговорить.

— Отличное совпадение! — Радостно воскликнул тот — В эти дни я свободен как ветер, да и местечко в горах уже приготовил. Оно тихое и уединённое, так что нас никто не потревожит!

С этими словами он двинулся вперёд, уверенно ступая по тропе, которую, казалось, знали только его ноги. Чжу Сюй шёл следом, растерянный, всё ещё не оправившийся от пережитого. Его взгляд метался между Цзян Синчжи и Чжун Минем, будто пытаясь понять, кто из них скрытый мастер, а кто просто спутник.

Наконец, не выдержав, он мысленно передал сообщение брату:

— Старший брат... это Божество Горы, что только что появилось... оно...

Чжу Янь: Тот господин в синих одеждах.

Чжу Сюй глубоко вдохнул. В голове было пусто. Не от страха, а от осознания.

Значит, это был он. Просто человек. А не бог.

Чжу Янь, услышав вопрос младшего брата, на мгновение задумался. Перед глазами встал тот день, когда сам он, напуганный и побежденный, болтался в воздухе, пока этот же самый человек нёс его сквозь лес, неся на себе весь груз чужой судьбы. Ветер бил в лицо, деревья мелькали, как тени, а сердце билось так, будто вот-вот выпрыгнет из груди.

Он мягко хлопнул брата по плечу.

— Понимаю. Я тоже когда-то так думал. Кто он? Как он может? Почему помогает мне?

Но теперь он знал, что понимать и не нужно. Иногда достаточно просто быть спасённым.

***

Когда Чжу Янь сказал, что «прибрал местечко в горах», Цзян Синчжи мысленно представил себе нечто простое и грубое — поляну, очищенную от сорняков, с навесом из веток и парой шатких каменных плит, служащих сиденьями, как у любого культиватора, стремящегося к уединению, но не имеющего ни времени, ни желания заботиться о комфорте.

Однако по мере того как они поднимались выше, его ожидания начали рушиться: тропа, по которой они шли, была вымощена ровными, тщательно подогнанными серыми каменными

плитами, каждая из которых лежала на своём месте с такой точностью, будто её положили не просто для удобства хода, а с учётом потока ци, направления ветра и даже силы лунного света, падающего ночью. На полпути к вершине их встретила обустроенная смотровая площадка, там земля была тщательно утрамбована, трава и корни полностью удалены, вокруг проходил невысокий деревянный забор, защищающий от сквозняков, а прямо по центру стоял маленький, но прочный сруб из благородного дерева, крыша которого была покрыта черепицей, устойчивой к дождю и снегу, а дверь украшена простым, но изящным узором, вырезанным с явной заботой о деталях.

Цзян Синчжи остановился, оглядывая всё вокруг с немим изумлением. Он бросил взгляд на Чжу Яня, который стоял рядом, почёсывая затылок с видом человека, пытающегося казаться скромным, хотя только что продемонстрировал мастерство архитектора императорского двора.

— Ну... может, немного грубо получилось, — пробормотал тот, будто объясняя, что построил не убежище, а временный шалаш.

Цзян Синчжи молчал. В голове пронеслась мысль: Грубо? Да здесь каждый элемент продуман до мельчайших нюансов — дренаж под камнями, угол наклона крыши, чтобы дым не бил в лицо, расположение стола так, чтобы закатное солнце не слепило глаза... Это не "прибрал", это — труд мастера, знающего, что такое истинное уединение.

Он хлопнул Чжу Яня по плечу, искренне, почти с восхищением:

— Уже и за дворец сойдёт. Более чем достаточно.

Во дворе у массивного каменного стола, вырезанного из одного цельного блока, расселись все четверо. Цзян Синчжи уже занёс ногу, собираясь сесть на холодную каменную скамью, когда Чжун Мин, не говоря ни слова, достал из своей сумки-хранения чёрный плащ. Ткань была тонкой, но при этом каждая нить переливалась едва уловимым светом, выдавая высочайший класс магического артефакта, способного адаптироваться к любым условиям, защищать от холода, маскировать ци и даже частично блокировать духовное давление; такие вещи создавались лишь для тех, кто занимал высокие посты или предпочитал оставаться невидимым. Не произнося ни слова, он аккуратно сложил плащ дважды и положил его прямо на каменную скамью под Цзян Синчжи.

— Садись, — сказал он спокойно.

На мгновение повисла такая глубокая тишина, что казалось, даже ветер замер, боясь нарушить этот момент. Чжу Сюй, ничего не знавший об их отношениях, округлил глаза и вопросительно посмотрел на старшего брата, словно спрашивая:

«Почему он так заботится о нём? Что между ними?»

Чжу Янь лишь чуть прищурился и смотрел прямо перед собой, будто бы внутренне повторял:

«Мы не понимаем. И лучше не спрашивать.»

Цзян Синчжи смотрел на плащ, потом на Чжун Мина. Выражения лица его было сложным, где-то между смущением, благодарностью и лёгким раздражением.

— Брат Бай, — тихо спросил он, — а что вы делаете? У любого, кто не в курсе, создается впечатление, что у меня какая-то хроническая болезнь, требующая особого обращения.

Не отвечая, Чжун Мин протянул руку, длинные пальцы легко обхватили его запястье и мягко, но настойчиво опустили на покрытую тканью скамью.

— Ты чувствителен к холоду, — сказал он просто, без лишних слов и оправданий.

Цзян Синчжи почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Не от прикосновения, не от заботы, а от того, что этот человек помнил, что даже после тысяч лет, даже в теле нового мира, он всё ещё не может согреться, что каждый холодный ветер пробирает до костей, что его повреждённая плоть, неспособна удерживать тепло жизни.

— Не садись на холодный камень, — добавил Чжун Мин, почти шепотом. — Не хочу, чтобы тебе стало хуже.

Цзян Синчжи молчал. В этот момент горный ветер ворвался во двор, пронизывающий, как клинок, оставляя след холода на коже. Вечер после заката был глубоким, небо — чёрным, а воздух — тяжёлым. Чжу Янь вздрогнул. Он боялся, что вот-вот начнётся конфликт между этими двумя сильными людьми, один из которых был слишком заботлив, а другой слишком независим. И тогда всё, что строилось с таким трудом, рухнет. Но ничего не произошло. Только Цзян Синчжи сидел, глядя на плащ, будто на что-то священное, что нельзя тронуть, но нельзя и отвергнуть.

Чтобы разрядить напряжение, Чжу Янь быстро перевёл разговор:

— Уважаемые старейшины... вы хотели что-то обсудить?

Цзян Синчжи собрался с мыслями. Он посмотрел на Чжу Яня, глаза его стали серьёзными.

— Кто эти люди, которые дважды пытались вас убить? И почему?

Воздух вокруг стола стал плотнее, будто сама атмосфера ощутила вес этого вопроса. Даже птицы перестали петь. Через долгое молчание Чжу Янь глубоко вздохнул, словно готовился прыгнуть в пропасть, и наконец сказал:

— Раз вы спасли меня и моего брата... я должен сказать правду. На самом деле... я из Башни

Цзицзюэ.

Он сделал паузу, ожидая реакции. Он ждал, что на их лицах проявятся страх, отвращение и презрение, ведь имя Башни Цзицзюэ вызывало у большинства культиваторов три вещи: смерть, предательство, страх. Организация, не имеющая морали, действующая в тени, уничтожающая целые семьи за деньги. Её ненавидели, но боялись, потому что знали, что однажды могут сами стать мишенью.

Но Цзян Синчжи лишь слегка нахмурился:

— Продолжайте.

Чжу Янь замер. Он не знал стоит ли ему радоваться, или бояться.

— Уважаемый старейшина! Я из Башни Цзицзюэ! — Повторил он, повысив голос.

Чжун Мин потер виски. Он понял, что эмоции Чжу Яня накапливались долго, и если сейчас не задать правильный вопрос, весь этот напор рассыплется в пустоту.

— Что такое Башня Цзицзюэ? — Спокойно и без тени осуждения спросил он.

Чжу Янь медленно осознал: Эти двое... действительно никогда о ней не слышали.

Он несколько раз глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, и начал медленно, чётко, как будто вкладывал каждое слово в алтарь, рассказывать.

— Башня Цзицзюэ - одна из самых известных подпольных организаций в Трёх Мирах. Она не имеет принципов, не признаёт кланов, не боится сект. Единственное, что её интересует - духовные камни. За нужную плату они уничтожат кого угодно: главу секты, святого старейшину, даже члена Императорской семьи. У них нет морали, нет преданности, нет жалости. Есть только контракт.

У них всего одно железное правило: миссия должна быть выполнена абсолютно. Если кто-то отказывается, срывается или предаёт, то он становится следующей целью. Без исключений. Без пощады. Неважно, кто ты — герой или предатель. Нарушивший порядок будет уничтожен.

Именно поэтому, несмотря на всенародную ненависть, Башня существует уже сотни лет. А во главе стоит Мастер Башни — эксперт последней стадии Выхода из Тела, чья сила сравнима с Великими Золотыми Бессмертными. Именно благодаря ему организация до сих пор не разрушена, несмотря на все попытки.

Тишина снова окутала двор. Теперь уже все понимали, что Чжу Янь не просто беглец. Он —

предатель Башни. А значит, за ним охотятся не просто ради выгоды, а что бы преподать пример остальным.

Когда Чжу Янь упомянул «высшего эксперта последней ступени Выхода из Тела», он ожидал, что в его душе вспыхнет привычный страх, холодная дрожь от осознания, насколько могущественна та сила, что охотится за ним. Но вместо этого, глядя на спокойное лицо Цзян Синчжи, он почувствовал нечто лишь стыд. Словно вернулся к тому моменту, когда тот с лёгкой насмешкой спросил, зачем мастеру стадии Зарождения Души называться «уважаемым старейшиной». Будто бы перед этим человеком все условности, все страхи и титулы теряли смысл.

Он быстро закончил:

— Это всё, что я могу рассказать о Башне Цзицзюэ.

— Мм, — задумчиво протянул Цзян Синчжи, опуская глаза. Его пальцы мягко постукивали по поверхности каменного стола, будто выстукивая ритм мыслей. — Те люди, что охотились за вами, сказали, что вы нарушили правила секты. Какое именно правило?

Выражение Чжу Яня стало напряжённым. Он замолчал на долгое мгновение, прежде чем ответить:

— Уважаемый старейшина... я не хороший человек. Люди Башни Цзицзюэ берут деньги за убийства. Мы не выбираем цели. У нас нет выбора.

Он сделал паузу, голос стал тише, почти шёпотом:

— Но дети — невинны.

Он получил приказ уничтожить всю семью. Ни одного выжившего. И уже поднял клинок... но в последний момент опустил его. Перед ним стоял трёхлетний ребёнок, не понимавший ни смерти, ни ненависти, лишь плакавший, протягивая ручонки. Он спас его. А бумага не может скрыть огонь. Нарушение главного правила Башни — это приговор.

Цзян Синчжи кивнул. Он понял, что тот сделать такой выбор, зная, что за ним будут охотиться до конца дней, а это значит, что его совесть ещё не окончательно умерла.

Чжун Мин впервые заговорил после долгого молчания:

— Ради того, кто просто нарушил правило, они проделают такой путь, чтобы убить его?

— Каждый из нас хранит слишком много секретов, — тихо ответил Чжу Янь. — Кто знает,

какие сведения хранятся в голове? Кто знает, кому однажды эти знания могут понадобиться?

Секреты... информация...

Мысли Цзян Синчжи мгновенно сместились. Его взгляд, который ещё секунду назад был задумчивым, внезапно стал острым, как лезвие, и он посмотрел на Чжу Янь так, будто видел в нём не беглеца, а сокровище.

Он сложил пальцы в замок перед собой, медленно обвёл глазами обоих братьев и сказал:

— Я хочу основать секту. Если вы двое готовы присоединиться, то будете под моей защитой.

Чжу Янь резко поднял голову:

— Уважаемый старейшина... вы говорите всерьёз? Да забудьте про защиту! Мы с младшим братом уже обязаны вам жизнью! Мы готовы служить вам во всём!

— Конечно, я серьёзен, — кивнул Цзян Синчжи.

Чжу Янь и Чжу Сюй переглянулись, глаза их горели. Они скрепили кулаки и поклонились:

— Мы, двое братьев, готовы следовать за уважаемым старейшиной!

Только они закончили свою клятву, как в тишине раздался ещё один спокойный, низкий голос..— Я тоже готов следовать за уважаемым старейшиной. — Спокойно проговорил он.

— .....

Голос прозвучал прямо рядом, будто всегда был частью этого места. Все трое обернулись на Чжун Мина, стоявшего чуть в стороне, с руками, сложенными за спиной, и лицом, лишённым эмоций.

Цзян Синчжи вздохнул, чувствуя, как внутри просыпается усталость:

— Не лезь без очереди.

— Я не лезу, — ответил Чжун Мин ровно. — Я официально вступаю.

Цзян Синчжи внимательно посмотрел на него, пытался понять, шутит ли он. Но в тех чёрных глазах не было ни капли иронии.

— Брат Бай... вы же не похожи на человека, который согласится подчиняться правилам секты.

— Мне нужно отомстить, — сказал Чжун Мин. — А для мести нужны сведения, информация и союзники. Значит, мне нужна секта.

Цзян Синчжи помолчал. Потом кивнул. Сказанное действительно имело смысл.

Он встал, и расправив плечи громко объявил:

— Отлично! С сегодняшнего дня наша секта официально основана! Мы собрались здесь все из-за обид и вражды, так почему бы нам не назваться... «Союзом Мести»?

Трое: ...

— Не носи чушь, — тихо сказал Чжун Мин.

После долгих споров, шуток и предложений, в конце концов остановились на более сдержанном, но благозвучном имени — Секта Гуйсюэ.

Цзян Синчжи произнёс это имя с глубоким удовлетворением:

— Гуйсюэ... Прекрасное значение.

(П.П: Гуйсюэ — «Возвращение снега». Символика — чистота, завершение пути, возвращение к истоку.)

Он вернётся. Однажды. Обязательно.

С основанием секты Чжу Янь и Чжу Сюй немедленно взялись за дело. Под ночным небом, среди тишины и горного ветра, они начали строительство домов и тренировочных площадок. Их движения были чёткими, расчётливыми, будто они заранее знали, как должно выглядеть святилище. Никто из прохожих не мог бы представить, что эта заброшенная гора Панши однажды станет местом, куда будут приходить паломники, чтобы почтить память великих мастеров.

На смотровой площадке остались только Цзян Синчжи и Чжун Мин.

Холодный ветер скользнул между деревьями, принёс с собой запах далёких облаков.

— Ты так сильно хочешь вернуться? — спросил Чжун Мин.

— Конечно, — ответил Цзян Синчжи без колебаний.

Тишина повисла между ними. Только ветер да мерцание звёзд.

И тогда Чжун Мин вспомнил их разговор днём. О человеке, которого Цзян Синчжи хочет увидеть. О любви, ради которой он готов пересечь тысячу лет.

Тёмное облако коснулось его сердца. Но стоило ему взглянуть на светлый, спокойный, как луна над водой профиль Цзян Синчжи, и оно рассеялось, будто испугавшись.

Ему не хотелось знать, кто был тем человеком. Не хотелось представлять, как он смотрит на кого-то другого с той же нежностью, что теперь на него.

Пусть даже он вернётся...Пока он здесь — я буду рядом.

Я разорвал Небесный Дао. Я рассёк Духа Хаоса. Я вырвал его из прошлого и поставил перед собой.

Разве я не имею права побыть немного бесстыдным?

С этой мыслью он наклонился, поднял плащ с каменной скамьи, расправил его и одним плавным движением набросил на плечи Цзян Синчжи. Мягкая ткань с меховой подкладкой легла на плечи, а его рука, продолжая движение, оказалась вокруг тела того, словно заключая в объятия.

Цзян Синчжи обернулся. Глаза его слегка расширились.

— Бай Му...

— Мм.

— Это же тот самый плащ, на котором я сидел?

Чжун Мин: ...

Не отвечая, он резко потянул за ворот, и толстая ткань сомкнулась, поднявшись выше, плотно закрывая рот и половину лица. И прежде чем Цзян Синчжи успел возразить, он произнёс, глядя прямо в его глаза:

— Можешь прятаться сколько угодно, но это не изменит сути.

[П.П Они на столько загадочные котятки, что я не могу понять, это у них такие брачные игры, или они реально до конца еще не поняли...очень сахарно и загадочно..МММ >_<]

***

Двое братьев Чжу оказались невероятно расторопны, уже к рассвету следующего дня они успели возвести на вершине горы небольшой, но вполне обустроенный дворик. Трава и сухие ветки были убраны, земля выровнена, по склону проложили грубые, но удобные ступени из камня и дерева. Всё было сделано с расчётом функциональности, будто каждый элемент был частью давнего замысла.

Прошлой ночью, после того как Цзян Синчжи оказался закутанным в тяжёлый плащ, Чжун Мин бесследно исчез. Никто не видел, куда он направился, и теперь Цзян Синчжи шёл вверх один, сопровождаемый Чжу Сюем, чтобы осмотреть результат их трудов.

На самой высокой точке горы, где открывался вид на бескрайние хребты и утренний туман, раскинулся новый двор. Простые, но крепкие деревянные строения стояли на прочных сваях, крыши были покрыты черепицей, защищающей от дождя и снега. Во дворе разместились медитационная площадка, каменный стол и пара скамей. Всё было расположено так, чтобы поток ци мог свободно циркулировать. Казалось, что это место существовало здесь всегда, и просто ждало своего времени.

Цзян Синчжи положил руку на плечо Чжу Сюя:

— Хорошо поработали.

Юноша, полный энергии и воодушевления, выпрямился:

— Главное, чтобы Учитель был доволен!

Цзян Синчжи действительно был доволен. Он уже мысленно прикидывал, когда сможет спуститься в город, чтобы купить мебель, парчу, редкие инструменты для формаций и сделать обитель по-настоящему достойной секты. Но стоило ему перевести взгляд, как он заметил, что прямо рядом с его собственным двором стоит ещё один. Тоже деревянный. Тоже аккуратный. Но он его совершенно точно не ожидал.

— Что это? — спросил он, прищурившись. — Один купил - второй в подарок?

— Это... дом старейшины Бай Му, — почтительно ответил Чжу Сюй.

— Почему он построен рядом с моим? — удивился Цзян Синчжи. — Два тигра не могут делить одну гору. Даже если он будет Заместителем Главы секты, он должен жить хотя бы на другой стороне склона!

Чжу Сюй слегка понизил голос:

— Старейшина Бай Му пришёл прошлой ночью. Он сказал, что не хочет быть Заместителем. Он желает стать Защитником Дхармы.

— Защитником Дхармы?

— Да. И по правилам, дом Защитника Дхармы должен располагаться рядом с резиденцией Главы секты, для быстрой связи и защиты в случае опасности.

Цзян Синчжи задумался. Защитник Дхармы - это должность не по статусу, а по долгу. Обычно её выбирают те, кто готов служить, а не править. Но зачем Чжун Мину это? Он ведь явно сильнее его и выше по положению. Почему он не хочет власти, а выбирает роль стража?

Чжу Сюй, видя его недоумение, осторожно подбирал слова:

— Учитель... между вами и старейшиной Бай Му... что-то произошло?

Между ним и Бай Му?

Цзян Синчжи задумался. Он не хотел признавать этого даже перед собой, но факт оставался фактом: уровень культивации Чжун Мина действительно был выше. Здесь, на этой горе, где каждая травинка, каждый листок словно помнил силу, исходящую от него, воспоминание о том, как он оказался подавлен, казалось свежим, как вчерашнее утро.

Он вздохнул и честно произнес:

— Да. Он меня...превосходит.

Глаза Чжу Сюя дрогнули. Так прямо? Никаких уловок, никаких попыток сохранить лицо?

— Т-тогда вы... — запнулся он. — Вы не чувствуете... обиды?

— Обиды? — Цзян Синчжи рассмеялся, хлопнул его по плечу и посмотрел на горизонт. — Не беспокойся. Я не держу зла.

Над горами поднималось утреннее солнце, окрашивая небо в золото и багрянец. Воздух был чистым, наполненным надеждой. Всё вокруг казалось новым, живым и полным возможностей.

— Впереди ещё столько времени, — сказал он, улыбаясь. — Кто знает, кто кого превзойдёт в будущем?

Чжу Сюй: ...

Он стоял, не в силах вымолвить ни слова. Перед ним был человек, который только что признал своё поражение и вместо гнева улыбнулся, глядя в будущее. В этот момент он понял, что эта секта не просто сборище беглецов. Это место, где начнётся нечто большее.

<http://bllate.org/book/15487/1373252>